

В.Г. Клинов
доктор экономических наук,
профессор МГИМО (У)

Е.А. Сидорова
научный сотрудник ИМЭМО РАН

Какой капитализм лучше?

Dăianu D.
Which Way Goes Capitalism?
In Search of Adequate Policies
in a Dramatically Changing World. –
Budapest, New York,
Central European University Press,
2009, 283 p.

Автор монографии, посвящённой современной эволюции капитализма, Даниэль Дзяну сочетает карьеру экономиста-исследователя и политика. Он профессор экономики Национальной школы политических исследований и государственного управления в Бухаресте. В период работы над монографией был членом Европейского парламента, до того – министром финансов Румынии, а ещё ранее – главным экономистом Национального банка Румынии. Преподавал в Университете Калифорнии в Беркли и Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе. Является членом-корреспондентом Академии наук Румынии.

С началом XXI века мир вступил в полосу интенсивных перемен. Об этом можно говорить даже на фоне драматических изменений второй половины XX века. Уже в третьей четверти XX в., когда мировые системы капитализма и социализма развивались небывало высокими темпами под флагом научно-технической революции, встал вопрос о соревновании различных моделей социально-экономического развития. «Пражская весна» выдвинула концепцию «социализма с человеческим лицом». Подавление попыток реформирования социализма в 1968 г. предопределило крах социалистической системы мирового хозяйства на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Конкуренция, в том числе и различных социально-экономических систем, – это условие совершенствования её участников.

Д. Дзяну вспоминает о вышедшей в 1967 г. книге Жана Жака Сервана-Шрайбера «Американский вызов», где был поставлен вопрос об отставании в конкурентоспособности западноевропейских фирм в сравнении с американскими транснациональными корпорациями (с. 119). Ответом на американский вызов стала интенсификация усилий по углублению европейской интеграции. Это сопровождалось движением Западной Европы по траектории догоняющего США развития вплоть до 1980-х годов. Однако в 1990-х

экономика США пошла в отрыв. Среднегодовой темп прироста ВВП в расчёте на человеко-час достиг в 1996-2005 гг. в США 2,4%, а в ЕС-15 – составил 1,4%. (с.123).

Тогда вновь стал вопрос о достоинствах и недостатках англосаксонской и континентальной моделей капитализма. Для стран, вступивших на путь перехода от административной к рыночной экономике, это был и острейший вопрос выбора в качестве цели трансформации той или иной модели. В новых возможностях, которые открывались с переходом к рыночной экономике, как утверждает автор, «содержались и зёрна зла» (с. 60).

Континентальная модель социального рыночного хозяйства представлялась более гуманной, она олицетворяла «достойный капитализм», «капитализм с душой» (с. 244) или некий аналог проекта «социализма с человеческим лицом». Экономику стран континентальной части ЕС отличала короткая рабочая неделя (35 часов во Франции и ФРГ) и продолжительные отпуска (от 4 до 6 недель). Мощная защита от увольнений сочеталась со щедрой системой социальной поддержки безработных и малоимущих.

Решая вопрос, «делать жизнь с кого», Д. Дзяну критикует континентальную модель не за то, что пособия по безработице нередко обеспечивают более высокий уровень жизни, чем минимальная зарплата, т.е. ослабляют стимулы к труду, а на том основании, что страховые отчисления слишком обременительны для предпринимателей. «Огромные взносы в фонды социального страхования, существующие в достаточно большом числе европейских стран, подвигают предпринимателей к использованию чёрного рынка рабочей силы» (с.61).

Подобные аргументы взяты на вооружение и противниками повышения страховых взносов в России. Между тем, ставка на дешёвую рабочую силу не совместима с потребностями модернизации. Современная экономика требует увеличения расходов на образование и здравоохранение, а также на пенсионное обеспечение в связи с процессом старения населения. Другое дело, что использование более дорогих ресурсов следует поощрять путём снижения ставок налога на прибыль, на технологическую ренту, которая создается использованием достижений конструкторской и технологической мысли.

Большей способностью к модификации систем налогового, социального и трудового законодательства характеризуется англосаксонская модель капитализма. Ограничение максимальной продолжительности рабочей недели в 48 часов в ЕС не распространяется на Великобританию, где она может быть длиннее. Англосаксонские экономики отличаются большей гибкостью в перестройке отраслевой структуры и интенсивностью восприятия достижений НТП. Согласно опубликованным в 2008 г. данным, предприятия по производству информационно-коммуникационной техники (ИКТ) США тратили на ИиР 10,4% добавленной стоимости, тогда как в ЕС-25 - 6,2%. Выпуск ИКТ составил 6,2% ВВП США и 5% ВВП ЕС-25 (с.224).

Именно высокая динамичность англосаксонских экономик и необходимость для бывших социалистических стран преодолеть отставания от передовых стран в возможно более короткие сроки предопределили ориентировку на правила, сформулированные в виде «Вашингтонского консенсуса»¹. Способен ли капитализм неолиберального типа ускорить экономическое развитие, независимо от конкретных обстоятельств? Отвечая на этот вопрос, автор указывает, в каких отношениях эффект может быть положительным. Либеральная модель имеет преимущество в стимулировании предпринимательской деятельности, в ограничении иждивенчества, порождаемого избыточной социальной

¹ См.: Браун Г.Г. Рыночное хозяйство и Вашингтонский Консенсус. – Мировая экономика и международные отношения. М., 2004, № 8, с. 40-44.

опекой, а также в противодействии администрированию экономики со стороны центрального правительства (с. 29).

«Экономисты сегодняшнего дня, отводя главную роль рыночному механизму распределения ресурсов и вознаграждения предпринимательства, яростно спорят относительно экономической роли правительств» – отмечает автор (с. 31). Он воздаёт должное институциональному направлению экономической науки в том, что его представители обосновали первостепенное значение государственной экономической политики в трансформации системы хозяйства в соответствии с требованиями современного развития.

Примечательны в этом отношении приводимые в монографии показатели динамики ВВП стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 1990-х годах. Согласно этим данным, с наименьшими потерями и в относительно короткие сроки осуществили системную трансформацию страны, начавшие рыночные преобразования ещё в недрах социалистической системы хозяйства.

В Польше за два года, 1990 и 1991, ВВП сократился по сравнению с 1989 г. на 17,2%, и, начиная с 1992 г., наблюдалась положительная динамика. ВВП Чехии за 3 года отрицательной динамики ВВП сжался на 15,5%. В Венгрии отрицательная динамика наблюдалась 4 года, до 1993 включительно. Общий масштаб сокращения по сравнению с 1989 г. составил 18,1%.

С бóльшими издержками произошла трансформация хозяйства бывших советских прибалтийских республик. Советский режим, со свойственной ему жесткостью, преуспел в насаждении неконкурентоспособной экономики по сравнению с союзниками по социалистическому лагерю.

В Литве и Эстонии отрицательная динамика продолжалась 5 лет, с 1990 по 1994 г. включительно. В Латвии сокращение началось в 1991 г. и, с перерывом на 1994 г., негативная динамика растянулась до 1995 г. В России ВВП сокращался с перерывом на 1997 г. до 1998 г. включительно. В Литве за период отрицательной динамики ВВП снизился на 44,6% по сравнению с 1989 г. В Эстонии сокращение составило 36,3%, а в Латвии ВВП стал меньше на 50,4% по сравнению с 1990 г. (с. 30). В России по сравнению с 1990 г. ВВП сократился на 43,3%.²

По мнению П. Митры и М. Селовски, выполнивших по заказу Всемирного банка анализ первых 10 лет преобразований экономик ЦВЕ, сокращение ВВП в начале преобразований в значительной степени объясняются стартовыми условиями. Последующая динамика восстановления, по их мнению, зависела от интенсивности проведения реформ (с. 32-33). Согласно приведённым в монографии данным, однако, страны, пережившие начало трансформации с наименьшими издержками, завершили процесс восстановительного роста в более короткие сроки. Иначе говоря, стартовые условия во многом предопределили успех в проведении реформ.

В Польше прирост ВВП за 1992-2001 гг. составил 55,5%, и уровень 1989 г. был превзойдён в 2001 г. на 28,8%. Успеху Польши способствовала поддержка, оказанная западными странами, путём облегчения её долгового бремени. В 1992 г. они наполовину простили долг Польши, составлявший тогда 30 млрд. долл. В Чехии прирост за 1993-2001 гг. составил 20,3%, и ВВП 2001 г. превысил уровень 1989 г. на 1,6%. В Венгрии прирост за 1994-2001 гг. составил 26,7%, а уровень 1989 г. был превзойдён на 3,8%.

² Рассчитано по International Financial Statistics Yearbook. Wash., IMF, 2000-2010.

ВВП Литвы стал больше за 1995-2001 гг. на 28,6%. В 2001 г. он составил 71,3% уровня 1989 г. ВВП Эстонии прирос за те же годы на 37,7% и достиг 87,7% уровня 1989 г. ВВП Латвии возрос за 1996-2001 гг. на 33,9% и равнялся 66,4% уровня 1990 г. (с. 30). На дореформенный уровень ВВП эти страны вышли к середине первого десятилетия 21 века. В 2005 г. ВВП Литвы превысил уровень 1990 г. на 4,2%, в Эстонии, соответственно, на 29,4% и в Латвии отставал от уровня 1990 г. на 6,1%.³ В России за годы положительной динамики, с 1999 по 2007, ВВП стал больше на 85%. Восстановлению экономики способствовала благоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов. Уровень ВВП 1990 г. был превзойдён в 2007 г. на 4,5%.⁴

В целом наиболее удачливым странам ЦВЕ удалось обеспечить умеренные, а не высокие темпы экономического роста. Большинство их намного отстают от среднего уровня экономического развития ЕС, и, по мнению Д. Дзяну, при нынешней политике не просматриваются сроки преодоления отставания (с.34).

В 1998 г. доход на душу населения, исчисленный по паритету покупательной способности составлял в процентах от среднего уровня ЕС в Эстонии 37, Польше – 36, Литве - 31, Латвии и Румынии – 27, Болгарии – 23. К числу более продвинутых стран можно отнести Словакию – 46, Венгрию – 49, Чехию – 59 и Словению – 68 (там же). В России в 2000 г. доход на душу населения составлял 90% от соответствующего показателя Латвии и был на 21% выше, чем в Болгарии.⁵

Начало XXI века, ознаменовавшееся обострением конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, Китая и Индии, а также мировой кризисом финансовой системы, порождённым в недрах англо-саксонской модели, снова потребовало «мучительной переоценки» ценностей. Наряду с капитализмом американского и европейского типов, миру предстал со своими особенностями капитализм азиатской и латиноамериканской разновидности (с. 11). Внутри ЕС, наряду с континентальной и англо-саксонской моделями, выделяются скандинавская и средиземноморская разновидности капитализма. Формируется как особый тип капиталистическое хозяйство новых членов ЕС стран ЦВЕ (с. 191).

Дебаты по поводу европейской социальной модели (ЕСМ) весьма актуальны по ряду причин. Во-первых, дифференциация экономик ЕС не только не сокращается, но возрастает, особенно с учетом последних расширений (2004 и 2007 гг.). Следствием этого является рост социальной напряженности, а политики спешно ищут средства «лечения социальных болезней». Наконец, весь смысл существования ЕС заключается в выработке конкретных социально-экономических условий для своих граждан, что закономерно выходит за рамки простой международной конкурентоспособности.

Характерно, что все подобные дискуссии с европейской стороны, заставляли политический истеблишмент усиленно продвигать процесс евроинтеграции. Последний виток пришелся на 1990-е гг., когда американские экономисты «рассматривали «континентальную модель» (позднее возник термин «европейская крепость» (*Fortress Europe*) по аналогии с американской стратегией) как реальную альтернативу «англосаксонской модели» (с. 119). Но после того, как в конце 1990-х стало ясно, что крупнейшая экономика ЕС – ФРГ – не сумела в должной мере воспользоваться прорывом в сфере ИКТ, эти страхи стали беспочвенными.

Еще в ЕС-15 (Старой Европе) наблюдалось значительное социальное и экономическое разнообразие. В тогдашнем ЕС наличествовали: твердокаменные социал-

³ Мировая экономика: прогноз до 2020 г. – М., Магистр, 2007. с. 390-393.

⁴ Рассчитано по International Financial Statistics Yearbook. Wash., IMF, 2000-2010.

⁵ Мировая экономика: прогноз до 2020 г. – М., Магистр, с. 403.

демократы шведского типа (скандинавская модель, в которой государство перераспределяет около 60% ВВП); британская модель (историческая близкая к американской с долей ВВП, перераспределяемого через бюджет около 40%); средиземноморская модель (которую часто характеризуют как «беспорядочной» – вариация размера государственной квоты – от 40 до 60% ВВП). После расширений ЕС сюда следует добавить модели «новой десятки», которая тяготеет к либеральной британской модели (с. 121), причем в новичках наблюдались сравнительно высокие для ЕС (до кризиса) темпы экономического роста. Учитывая эти различия, возникает закономерный вопрос – а возможно ли вообще говорить о ЕСМ?

Не секрет, что дискуссии внутри ЕС о Единой социальной модели весьма напряженные. Пример стран ЦВЕ, вошедших в ЕС, показывает, что экономический рост «еще не панацея, когда правительства неспособны справиться с социальными вызовами, которые сопровождают модернизацию» (с. 131). С другой стороны, в Старой Европе «комбинация низких темпов экономического роста с высокими государственными расходами нежизнеспособна в долгосрочной перспективе» (с. 189).

Начало построения (ЕСМ) уже положено Лиссабонским договором (вступившем в силу в 2009 г.). В нём прямо указывается, что Европейский союз строит эффективную «социальную рыночную экономику» (social market economy).⁶ Таким образом, основополагающий договор ЕС признал в качестве базы для построения ЕСМ именно германскую социально-экономическую модель. Плюсами последней, как представляется, является умеренность государственного вмешательства (по сравнению со скандинавской моделью), а также более мощный социальный компонент (по сравнению с британской моделью, хотя в последнее время Великобритания существенно расширяет социальную политику).

Несмотря на наличие Лиссабонского договора, остаются нерешенными такие важные проблемы, как налоговая конкуренция, создание «подлинно Общего рынка» (с. 132), реформирование Общей сельскохозяйственной политики, энергетики. В дополнение к названным задачам можно назвать также реформирование Общего бюджета ЕС и реализацию стратегии «Европа 2020».

Кроме того, как отмечает Д. Дзяну, существует также проблема Пакта стабильности и роста (ПСР), которая существенно влияет на развитие еврозоны и всего ЕС. Дзяну замечает, что зона евро – «единственный в мире регион, где проводится централизованная денежно-кредитная политика, но различается политика фискальная». ПСР призван играть важную роль в координации экономического развития ЕС. Правда, «на долгосрочную перспективу, ограничения ПСР ставят под вопрос устойчивость систем государственных финансов» (с. 146). На момент написания книги, ПСР еще действовал, но был приостановлен решением Еврокомиссии на время кризисных явлений в экономике ЕС и действия стабилизационных программ стран-членов (то есть примерно до 2014 г.). Как представляется, в среднесрочной перспективе, в Лиссабонский Договор (частью которого является ПСР), будут вводиться изменения, в том числе придание большей «циклической» гибкости критериям Пакта, особенно цифрам дефицита бюджета и государственного долга относительно ВВП.

⁶ В соответствии со ст. 3 Лиссабонского Договора (бывшей ст. 2 Договора о Европейском Союзе). – Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the functioning of the European Union. Brussels, 15 April 2008. P. 21.

Еще одним важным фактором выработки ЕСМ является реформирование Общего бюджета Европейского Союза, в котором сошлись практически все насущные проблемы группировки. «Цели, структура и размер Общего бюджета ... являются результатом степени интеграции в ЕС» (с. 191).

С одной стороны, вопросы реформирования Общего бюджета чрезмерно политизированы, с другой – неотделимы от европейской интеграции. К сожалению, как отмечает Д. Дзяну, «хотя политически Общий бюджет ЕС является уникальным совместным проектом большого количества стран, которые решили объединить [частично] свои ресурсы для решения общих задач, он до сих пор остается экономическим инструментом низкой эффективности» (с. 184).

Наибольшую актуальность для бюджетной политики Союза представляют три ключевые проблемы. Общий бюджет должен находить компромисс между часто несовместимыми национальными интересами и парадигмами, а также «межинституциональной борьбой за власть [наднациональных структур ЕС]» (там же). Побочные эффекты глобализации вынуждают страны прибегать к протекционизму, что негативно отражается на их желании перераспределять ресурсы на наднациональном уровне. Кроме того, отмечается ненадлежащее управление средствами Общего бюджета (Счетная палата ЕС 15-й год подряд не принимает положительного заключения).⁷

Реформа Общего бюджета обсуждается уже не первый год, как в национальных, так и наднациональных структурах. В целом, как структура расходов, так и доходная часть бюджета нуждаются в пересмотре.

До сих пор не отмечено единогласия в способах реформирования Общего бюджета. Справедливое, как представляется, требование Великобритании сократить субсидии сельскому хозяйству наталкивается на сопротивление блока Франция – Польша. Нерешена до сих пор проблема доноров–реципиентов, хотя пути решения уже предложены.

Существуют альтернативные источники пополнения средств Общего бюджета. Кроме европейского НДС, называются также налоги на воздушное сообщение, финансовые операции (по нему есть принципиальное согласие «Большой тройки», но отсутствуют конкретные механизмы реализации); доходы от торговли квотами на выброс парниковых газов и пр. Все эти способы увеличить доходы Общего бюджета или изменить существующую структуру (свыше 70% в 2010 дал взнос с ВНД),⁸ как отмечает Д. Дзяну, «не будут реализованы в краткосрочной перспективе» (с. 230). Впрочем, как он сам подчеркивает, «нереально ожидать фундаментальных и быстрых изменений» в этой сфере (с. 234).

Важное значение автор придает разграничению экономик либерально-демократического уклада и авторитарных форм капитализма, Последние представлены в монографии главным образом Китаем и Россией. Он полагает, что будущее будет формироваться под влиянием соперничества демократического и авторитарного капитализма (с. 8). Успех в этом соревновании зависит от того, насколько удастся совместить принципы экономической целесообразности с идеалами социальной справедливости и моральными ценностями (с. 73).

Д. Дзяну сосредоточился в монографии на истоках и особенностях современного кризиса финансовой системы, на проблемах, возникших в развитии ЕС, а также на

⁷ European Union Finances 2010 (http://www.hm-treasury.gov.uk/d/european_union_finances_2010.pdf)

⁸ Budget 2010 in figures (http://ec.europa.eu/budget/figures/2010/2010_en.cfm)

характеристике экономической политики, адекватной вызовам глобализации. Он, в частности, полагает, что вопрос о том, в какую форму выльется капитализм и какой характер приобретёт вмешательство государства в экономику, решится в значительной мере под влиянием процесса глобализации (с. 44).

Истоки нынешнего кризиса финансовой системы автор видит в «неолиберальном наступлении», характерным для последних двух десятилетий (с. 14). Речь идёт о навязывании миру концепций «рыночного фундаментализма». Имеются в виду упрощённые рецепты отмены ограничений на трансграничную миграцию всех видов капитала (а не только прямых инвестиций) и ослабления контроля предпринимательской деятельности со стороны государства. Нашедший отражение в Бреттон-Вудских соглашениях тезис Д.М.Кейнса о том, что «чрезмерно изменчивые потоки капитала пагубно влияют на торговлю и состояние экономики», имеет прямое отношение к характеристике современного кризиса финансовой системы, полагает автор (с. 116).

В 1999 г. в США был отменён закон Гласса–Стигалла (*Glass-Steagall Act*) 1933 г., разграничивавшего сферы деятельности коммерческих и инвестиционных банков (с. 4, 28, 111). На основании принятого вместо него закона Грэмма–Лича–Блайли (*Gramm-Leach-Bliley Act*) были уравнены в правах коммерческие и инвестиционные банки, а также страховые компании и хедж фонды.

Инвестиционные банки получили возможность открывать и использовать краткосрочные депозиты физических лиц для финансирования долгосрочных капиталовложений, не будучи стеснены жёсткими нормами финансирования, предусмотренными для коммерческих банков. Более того, в 2004 г. Комиссия по ценным бумагам США освободила крупные инвестиционные банки от ограничений в отношении долговых обязательств. Эти решения открыли путь для инноваций и спекуляций в области страхования финансовых операций и внебиржевой торговли ценными бумагами.

Порождённая творчеством в области создания новых видов ценных бумаг, многоступенчатая система страхования финансовых операций, чьё развитие не поддавалось контролю, имела целью понизить риски на микроэкономическом уровне, а привела, как считает автор, к увеличению рисков макроэкономического масштаба (с. 76). «Эйфория бума, финансируемого с помощью кредита, – утверждается в монографии, – сглаживает различие между проектами различной эффективности и может способствовать вздутию цен на активы». Нередко предоставлялись кредиты, не обеспеченные залогом имущества, и при этом стирались границы ответственности за неисполнение условий договора о кредите (там же).

Сложность финансовых процессов породила чрезмерную зависимость в принятии решений от результатов экономического моделирования. Математически элегантные системы прогнозирования могли посылать сигналы, не соответствующие реальному развитию событий. Сложилась также порочная система вознаграждения лиц, принимающих управленческие решения, которая поощряла чрезмерно рискованные шаги, вместо большей осмотрительности (с. 84).

«Существует множество управленцев высшего уровня, получающих невероятно высокие зарплаты и бонусы, несмотря неустойчивое состояние дел их компаний», - пишет автор (с. 114). Зарплата высшего звена управления крупных корпораций в первом десятилетии XXI века стала в 300-900 раз превышать среднюю зарплату их подчиненных. На протяжении 150 лет господства капиталистического строя до 1960-х это соотношение не превышало 40:1 (с. 270).

Предусматривалась разная степень защиты в зависимости от доходности того или иного выпуска ценных бумаг. Система пирамидального типа процветала, пока цены на фондовом рынке повышались. С наступлением циклического спада эта система рухнула.

Масштабы экономической катастрофы, порождённой кризисом финансовой системы, во многом связаны с чрезмерно разросшимися масштабами стоимости финансовых активов. Особо выделяется рынок кредитных дефолтных свопов (*Credit Default Swaps, CDS*), представляющих спекулятивную форму страхования кредитных рисков. Получивший распространение, начиная с 1990 г., рынок *CDS* достиг, согласно приводимым в монографии данным, «умопомрачительной» величины в 45 триллионов долларов (с. 89). По более поздним данным, стоимость *CDS* достигла в конце 2007 г. 62,2 трлн. долл., и, год спустя, она снизилась до 38,6 трлн. долл.⁹

Росту стоимости финансовых активов способствовала политика низких ставок рефинансирования центральных банков США, Еврозоны и Японии (с. 84). Чрезмерной ликвидности способствовала также покупка облигаций правительства США крупными азиатскими экспортёрами продукции обрабатывающей промышленности, а также странами экспортёрами нефти. Страны с большими положительными сальдо от внешнеторговых операций стремились таким образом ограничить повышение курса своих национальных валют относительно доллара (с. 84-85).

Инновации в области операций с ценными бумагами аналитики сравнивали с игрой в рулетку. Уоррен Баффет назвал в 2003 г. нововведения в области страхования кредитов «финансовым оружием массового поражения» (с. 102). Д. Дзяну удивило заявление руководителя одного из ведущих центральных банков о том, что было невозможно предвидеть глубину и размах финансового кризиса. Прямая обязанность любого центрального банка – обеспечивать не только стабильность общего уровня цен, но и следить за здоровьем денежно-кредитной системы (с. 107).

Видный европейский эксперт по рынку ценных бумаг Александр Ламфалусси в остроумной форме обосновал необходимость государственного регулирования финансовых операций: «Те, кто считает гарантией глобальной стабильности совершенную конкуренцию полностью либерализованной финансовой системы, возможно правы. Но как мы можем убедиться в этом? Я полагаю, что нам не следует на практике выяснять, насколько гладко и быстро будет срабатывать автономная коррекция нашей системы при отсутствии активной опеки со стороны государственной власти» (там же).

В монографии Д. Дзяну не содержится конкретных рецептов разработки разумной экономической политики, обеспечивающей устойчивое решение проблем социально-экономического развития. Он утверждает, что она должна быть не шаблонной, а прагматичной, учитывающей особенности национальной экономики и условия глобализации. Кризис международной финансовой системы, по его мнению, окончательно развеял представления о том, что экономика является строгой наукой, выявил «серьёзные слабости рыночного фундаментализма» (с. 115).

Воздав должное заслугам Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека, доказавшим, что свободное предпринимательство является основой экономического прогресса и что крах коммунистической системы, отрицающей роль рынка в распределении ресурсов, неизбежен, автор утверждает, что свободный рынок и, в частности, фондовый современных условиях нуждается в государственном регулировании. Он обосновывает

⁹ International Swaps and Derivatives Association Market Survey 2010 (<http://www.isda.org/statistics/pdf/ISDA-Market-Survey-annual-data.pdf>)

это и возрастающей ролью общественных благ и необходимостью ограничения отрицательного воздействия производства на окружающую среду (с. 253).

Успех рыночных реформ в Китае и Индии автор объясняет их прагматичным характером. Прагматизм заключается в создании благоприятных условий для капиталовложений в ключевые отрасли, с которыми связаны модернизация экономики и обеспечение качественной занятости трудоспособного населения.

«Тектонические сдвиги в мировой экономике» (с. 247) Д. Дзяну связывает с интеграцией в мировую экономику дешёвой рабочей силы крупных стран Азии, благодаря чему число занятых в обрабатывающей промышленности мира увеличилось в несколько раз. В 2004 г. в Китае в этой ключевой отрасли было занято в 10 раз больше, чем в США, 165 против 16,5 млн. человек. В конце 2008 г. общее число занятых в промышленности Китая (включая и добывающие предприятия) достигло 257 млн. Эксперты в области рынка труда полагают, что интеграция в мировую экономику столь значительных ресурсов дешёвой рабочей силы окажет негативное влияние на зарплаты в западных экономиках (с. 128). Потребуется изменения в государственной экономической, прежде всего, бюджетной политике в виду того, что отдача от вложений в основной капитал в 2001-2008 гг. была в Китае в 2,5 раза, выше, чем в США. Норма вложений в основной капитал в Китае превышала американскую долю в ВВП в 2 раза.¹⁰

Динамизм экономик Китая и Индии основывается не только на огромных резервах дешёвой рабочей силы, но и быстром освоении передовой техники, что находит отражение в интенсивном росте их экспорта. Они также наращивают научно-технический потенциал благодаря собственным усилиям. Китай и Индия равны в том, что ежегодно выпускают по половине миллиона специалистов инженерных специальностей (с. 247). В ведущих научных журналах мира весьма заметное место занимают публикации авторов из этих стран (там же).

Сравнение динамики ВВП Китая и Индии как представителей авторитарного и демократического капитализма пока не пользу последнего. Авторитарный капитализм может быть достаточно успешным на начальных этапах индустриализации при условии проведения адекватной экономической политики. Большинство ново индустриальных стран Азии начинали своё догоняющее развитие при авторитарных режимах. Тем не менее, по мере усложнения экономики её развитие успешнее решается в условиях либерально-демократической модели.

Весьма показательны в этом отношении результаты исследования развития мировой экономики, выполненного В. Буйтером и И. Рахбари по заказу *Citigroup*.¹¹

Число стран, чей ВВП рос на душу население быстрее, чем в США, стремительно увеличивалось с развёртыванием глобализации и наступлением восходящей волны большого цикла первой половины XXI века. Понятно, что большую часть представляют развивающиеся страны, как правило, с авторитарными режимами правления.

В 1980-х таких стран было 22, или 25% от мирового итога стран с населением не менее 0,5 млн. человек. В 1990-х число достигло 35, и их доля составила 32%. В 2000-х число достигло 99 и составило подавляющее большинство в 90%.¹²

¹⁰ Клинов В.Г. Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений. - Международная экономика. М., 2010, № 9, с. 16-25.

¹¹ *Buiter W. H., Rahbari E.* Global Economics View. - N.Y., Citigroup Global Markets, 2011, February 21, 87 p. (<http://www.nber.org/~wbuiter/3G.pdf>)

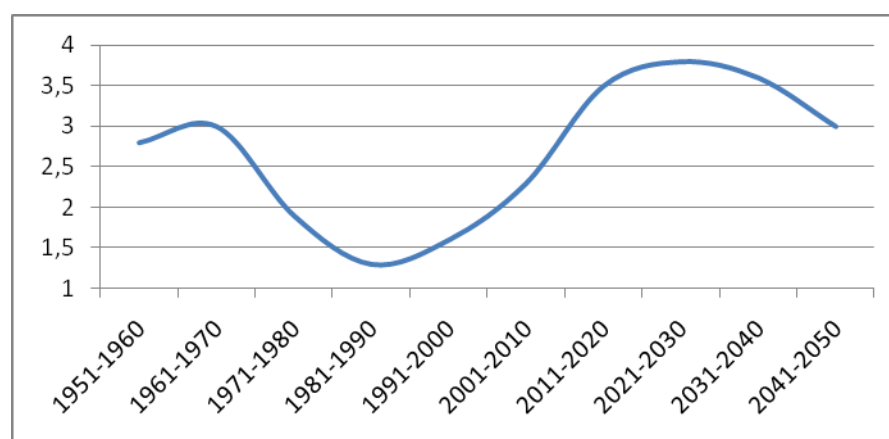
¹² *Ibid.*, p. 22.

По прогнозу, представленному в этом исследовании, наиболее быстро до середины 21 века будет расти экономика стран Африки. Их доля в мировом ВВП повысится в процентах с 4 в 2010 г. до 12 – в 2050. Доля развивающихся экономик Азии в тех же временных рамках увеличится с 27 до 49. Напротив, удельный вес Северной Америки уменьшится с 22 до 11; Западной Европы – с 19 до 7 и Японии – с 6 до 2. Сократятся также доли в мировом хозяйстве экономик Латинской Америки, с 9 до 8; ЦВЕ с 4 до 2 и СНГ, с 4 до 3.¹³

Примечательно, что доля экономик СНГ сокращается после 1970 г., когда на этот регион, составлявший большую часть СССР, приходилось 10% мирового ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности. После 1970 г. сокращается и доля развитых стран, но снижение доли СНГ происходило более интенсивно, что свидетельствует о том, что за последние 40 лет преобладало движение экономик СНГ по траектории, отстающего от передовых стран развития.

Вступление мировой экономики в восходящую волну большого цикла подтверждается фактическими и прогнозными данными Буйтера и Рахбари относительно среднегодовых темпов прироста мирового ВВП на душу населения за 100 лет, с 1950 по 2050 г., выраженных в процентах и отраженных на диаграмме 1.

Диаграмма 1
Среднегодовые темпы прироста (в %) мирового ВВП на душу населения, 1950-2050 гг.

Источник: *Buiter W. H., Rahbari E. Global Economics View. - N.Y., Citigroup Global Markets, 2011, February 21, p. 11-12.*

Особо авторы выделяют неблагоприятное состояние и перспективы развития России. До сих пор экономический рост в России был низок, если исключить эффект, достигнутый за счёт повышения мировых цен на углеводороды. В период с 2010 по 2050 среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения может составить 3,7%.¹⁴ Экономическая политика и институты России, по оценке авторов, формируют неблагоприятный для предпринимательства и инвестиций в основные фонды климат.

Так называемая «голландская болезнь» экономики России вызвана не высокими ценами на углеводороды, а непрофессиональным распоряжением доходами от нефтегазовой ренты. Буйтер и Рахбари указывают на возможность превращения России в

¹³ Ibid., p. 15-16.

¹⁴ *Buiter W. H., Rahbari E. Global Economics View. - N.Y., Citigroup Global Markets, 2011, Febr. 21, p. 71.*

страну рантье. Сохранению устойчивого роста и созданию современной развитой экономики препятствуют низкие нормы вложений в основной и человеческий капитал.¹⁵ Евсей Гурвич (глава экономической экспертной группы правительства России) заявляет о деградации бюджетной политики. Оксана Сергиенко (заместитель министра финансов России) считает, что складывающаяся структура госбюджета негативно скажется на перспективах экономического роста.¹⁶

Можно назвать ещё два обстоятельства, которые проливают определённый свет, на то, как на сегодняшний день оцениваются перспективы соревнования авторитарного и либерально-демократического капитализма. Сравнение динамик Китая, с одной стороны, и США и Индии, с другой, показывает преимущество Китая до 2020 г., когда по размеру ВВП Китай может догнать США. К 2050 г. Индия может обогнать Китай по объёму ВВП. Важно и то, что по размеру ВВП на душу населения в 2050 г. показатель Китая будет составлять лишь половину показателя США.

Общий вывод, который можно сделать на основе анализа Д. Дзяну, дополненного результатами исследования В.Буйтера и И.Рахбари, состоит в следующем. Обострение конкуренции в процессе глобализации ведёт к конвергенции различных типов капитализма. С одной стороны, ныне передовые страны, позиции которых в мировом хозяйстве сокращаются, вынуждены будут ужесточать нормы трудового и социального законодательства. Они должны также перестраивать налоговую систему с таким расчётом, чтобы отдача от капиталовложений была достаточно высокой, и объём капиталовложений обеспечивал необходимую степень занятости трудоспособного населения.

С другой стороны, усложнение структуры экономик по мере экономического развития в странах с авторитарным режимом диктует движение в сторону демократизации и либерализации. Иное обрекает на отставание, ибо авторитарные режимы не в состоянии справиться с управлением сложными экономиками. Более того, следствием длительного периода администрирования экономики может стать примитивизация народного хозяйства.

Аннотация

Сравниваются характеристики различных моделей капитализма. Оцениваются эволюция капитализма и государственной экономической политики в мировом масштабе и в рамках ЕС под влиянием глобализации.

Ключевые слова

Англо-Саксонская либеральная модель, континентальная модель социального рыночного хозяйства, эволюция ЕС, либерально-демократический и авторитарный капитализм, экономическая политика государства, глобализация и конвергенция.

Abstract

Competitiveness of various models capitalism exposed. Evaluated the evolution of capitalism and public economic policy due to globalization.

Key words

Anglo-Saxon liberal model, continental model of social market economy, evolution of EU, liberal-democratic and authoritarian capitalism, public economic policy, globalization and conversion.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Куликов С. Стабильность в России под большим вопросом. – Независимая газета. М., 2011, апр. 27, с. 1-2.